

Судьба

Борис Ручьев на встрече с читателями

Этот край долгие годы называли «тюрьмой без решёток», из-за его отдалённости и недоступности, из-за сурового климата. В 1930–1950 годы на территории Якутии в районах Оймяконья, Верхоянья, Хандыги, на побережье Ледовитого океана, в дельтах рек Лена, Яна, Колыма, на границе с Чукотской и Магаданской областями располагалось 105 лагерей ГУЛАГа – они занимали площадь около одного миллиона квадратных километров. В одном из них отбывал заключение уральский поэт Борис Ручьев.

В 1970 году в руки молодой учительницы Марии Бояровой из посёлка Томтор Оймяконского района попала книга стихов «Магнит-гора» известного советского поэта Бориса Ручьева. Фамилия автора показалась ей знакомой. Расспросив коллег и старожилов, Боярова выяснила, что Ручьев в своё время жил на участке Куйдусун в двух километрах от посёлка Томтор. Она разузнала адрес поэта и написала ему несколько писем. Но все они остались без ответа. Борис Ручьев это время тяжело болел, а вскоре ушёл из жизни. Обо всём этом Мария Боярова узнала уже от вдовы поэта Любови Николаевны. Однажды на встрече с якутскими писателями в Переделкине Ручьев рассказывал о том, как принимал роды у женщины-якутки в далёком Оймяконском селе. Узнав об этом Боярова вместе с учениками начала поисковую работу. Изучив документы местного сельсовета и поговорив со стариками, она нашла сына той женщины – Дорю Винокурова.

Бориса Ручьева арестовали 26 декабря 1937 года. Годом раньше он женился на учительнице Серафиме Каменских и переехал в Златоуст, где работал в газете «Пролетарская мысль». Причиной ареста послужил донос, но вот кто и за что так сурово обошёлся с поэтом, доподлинно установить так и не удалось. Посидев до суда в тюрьмах Златоуста и Челябинска, Ручьев отправился по

Полюс холода

ЗаклЮчение Борис Ручьев отбывал в лагерях Севвостоклага НКВД СССР в якутском Оймяконе

С женой Любовью Николаевной

протоптанной миллионами эзков дороге: этапы, пересылки, лагеря. Говорят, во Владивостоке, в пересыльном лагере на Второй речке поэт повстречался с умирающим Осипом Мандельштамом. Через семь суток заключённых морем доставили в бухту Ногаево, где шло строительство Магадана. Ещё через неделю Ручьеву указали дорогу в лагерь. К месту заключения он добирался пешком и без конвоя: бежать было некуда. В то время начинала строиться трасса Магадан – Хандыга. Эту дорогу прокладывали заключённые, среди которых оказался и Борис Ручьев. Жил поэт в одном из бараков на участке Куйдусун неподалёку от посёлка Томтор. «С конца 1930-х работал на Крайнем Севере, в районе Мирового полюса холода, – писал поэт. – Забойщиком золотых приисков, дорожным строителем, фельдшером. Осенью 1941 года, после тяжёлых ожогов при пожаре тайги, я попал в больницу Оймяконского дорожного участка Дальстроя. В три месяца преодолел острый кризисный период – заражение крови, едва избежав ампутации правой ноги и немного отдышавшись на больничной койке, я вновь после четырёхлетнего перерыва – начал писать стихи и уже с того времени писать не бросал». В Оймяконе Ручьев написал

цикл стихов «Красное солнышко», поэмы «Невидимка», «Медведко», «Полюс».

Всё это время поэт пишет трогательные письма своей жене: «Родная, соберись с силами, постарайся сохранить своё здоровье до нашей встречи. Не сомневайся, что я человек, которому ты дорога и который всегда при первой возможности придёт к тебе на помощь», «напиши скорее о себе, где ты, как живёшь...» О себе сообщает, что «физически возмужал и окреп, хотя и перенёс кое-какие болезни и даже сепсис». Но ответы от Серафимы приходят в Оймякон редко: поначалу молчание длилось несколько месяцев, год, полтора года. Случайно Ручьев узнаёт, что, потеряв в 1938 году его след, Серафима вышла замуж за другого и родила дочку. После того, как её муж погиб на фронте, поэт предлагает бывшей жене удочерить её ребёнка: «Ведь она растёт, и пока она маленькая, эта перемена для неё пройдёт незаметно, а стало быть, не породит в ней каких-либо недоумений... Что касается иронии окружающих, об этом не беспокойся. Меня она ни в какой мере не смущает, лишь бы ты была рада и счастлива и не чувствовала никакой отчуждённости между нами».

После больницы из-за сильной хромоты работать дорожником

он уже не мог, поэтому устроился фельдшером в местный медпункт. В сентябре 1942 года дорожные рабочие привезли в медпункт молодую колхозницу Екатерину Винокуру, у которой в дороге начались роды. Она пешком добиралась до Томтора из отдалённого участка «Чубукулаах», но не успела... Молоденький фельдшер Ручьев оказал роженице необходимую помощь. Её сын, которого назвали Дорием – от слова дорога, так как он родился на дороге – узнал историю своего рождения и фамилию врача из письма юных следопытов. И таких историй о добром русском докторе среди местного населения ходило немало. Ручьев помог 16-летнему пастуху, которого сбита машина, спасти от ампутации раздробленную ногу. Почти семь месяцев поэт выхаживал подростка, находившегося на грани жизни и смерти. И выходил, спас. В знак глубочайшей благодарности парень подарил Ручьеву костаную тросточку с металлической ручкой.

В середине 1949 года поэт возвращается на Урал и едет в Кусу, где жила Серафима Каменских. Работал библиотекарем, бригадиром погрузочно-разгрузочной бригады завода «Строймаш», кладовщиком и товароведом техснабжения.

Склеить семью не получилось. Без денег и прописки Ручьев оказался на улице

По совету друзей – писателей В. А. Савина и Я. Т. Вохменцева он отправляется во Фрунзе, где в то время жили его родители.

«Теперь о своей судьбе, – сообщал Ручьев в письме Е. В. Губаревой. – Вернулся с Колымы в 1949 году на Урал. Жить ни в одном крупном городе не разрешают, многие товарищи избегают, работы по специальности не дают. Даже жена, до этого

дважды успевшая выйти замуж, постаралась от меня отделаться. А здоровья такое – туберкулёз и психостения. Поехал к отцу во Фрунзе, но и в этой столице жить мне не разрешили. Вот и пришлось жить в предгорьях Памира, работать бухгалтером МТС». В селе Мирзаки поэт проработал пять лет. В 1956 году после реабилитации он направил ходатайство на имя председателя правления СП СССР А. Суркова с просьбой восстановить его в Союзе писателей. В 1957 году его просьба была удовлетворена. В том же году он вернулся в Магнитогорск. Вместе с ним приехала и его жена Любовь Николаевна Гунько, с которой он прожил до конца жизни.

«Твое предложение приехать на Урал так дорого для меня, что и выразить нельзя, – пишет Ручьев в письме к другу юности писателю Марку Гроссману. – С осени 1956 года я только и думаю об этом. Душою я уже весь на Урале, с вами».

Но вернёмся к событиям 1970-х годов. После знакомства с книгой «Встреча с другом» учительница Мария Боярова написала друзьям Бориса Александровича с просьбой рассказать, как сложилась его жизнь после освобождения. Ей ответили литературовед Лидия Гальцева, близкий друг Ручьева Михаил Люгарин, поэт и журналист Нина Кондратковская. Собранные Бояровой письма, газетные и журнальные статьи, архивные документы легли в основу школьного литературно-краеведческого музея в Томторской школе.

В последние годы жизни Борис Ручьев обрёл всесоюзную славу и любовь читателей. В 1964 году цикл стихов, написанных на Крайнем Севере, был выдвинут на соискание Ленинской премии. Но награждения так и не случилось. В 1967 году поэту всё-таки была присуждена награда – Государственная премия РСФСР имени Максима Горького. За большой вклад в развитие отечественной поэзии Ручьева наградили двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Октябрьской революции. В 1969-м городской Совет депутатов трудящихся присвоил ему звание почётного гражданина Магнитогорска.

Елена Брызгалина